

PEPELOV Svyatoslav Todorovich, Deputy Chief of Legal Management Department of the GU MVD (Ministry of Internal Affairs) of the Russian Federation in Moscow (38 Petrovka St, Moscow, Russia, 127994; viesm@vmail.ru)

CHERNOV Aleksandr Igorevich, postgraduate student, Voronezh Institute of Economics and Social Management (27 Pomialovskogo St, Voronezh, Russia, 394036; viesm@vmail.ru)

INTERACTION BETWEEN AUTHORITY AND BUSINESS IN MODERN RUSSIA: THE BEGINNING OF FORMATION OF THE INSTITUTIONAL FOUNDATIONS

Abstract. The authors have analyzed political representation of business in the structures of Russian authorities on institutional basis, the development of various institutional models of coordination of interests, their incorporation into the existing structure of political-economic relations. On the example of the Russian Business Congress in the early 1990s, the process of formation of institutional framework of interaction between business and government is considered.

Keywords: business, power, institutionalization, Russian Business Congress, lobbying, corporate interests, business structures

---

ГЛУХОВА Александра Викторовна — д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета (394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1; soc@hist.vsu.ru)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРОВОКАЦИИ В ПОЛИТИКЕ

Аннотация. В статье делается попытка показать специфическую роль провокаций в политике, отличную от провокативных практик в художественной или научной сфере. Провокации как один из методов политической борьбы, преследующий цель нанести максимальный урон политическому противнику, могут различаться характером целей, масштабами причиненного ущерба, формами и способами осуществления и т.д. Примером современной формы провокации может служить троллинг как неотъемлемый элемент современной интернет-субкультуры.

Ключевые слова: война, конфликт, политика, провокация, троллинг

Всякое понятие, входящее в сферу мышления и чувств человека, вызывает у него определенные ассоциации. Понятие «провокация» вызывает, как правило, негативные чувства. Произнося это слово, люди представляют себе различные неблагоприятные действия, истинной целью которых является воздействие на противника или оппонента с целью склонить его к совершению всеми осуждаемого поступка и при этом еще и подвергнуть различного рода санкциям: моральному осуждению, уголовному преследованию, смерти и т.п.¹ В отличие от иных областей деятельности, скажем, художественной или научной, где провокация может заключать в себе содержательный смысл и означать некую инновацию или любое креативное решение, пусть и сопряженное с известным риском, но содержащее в себе некий научный или художественный прорыв, политическая провокация трактуется гораздо более однозначно, а именно негативно. Не исключено, что подобная трактовка вытекает из многочисленных трагических исторических ситуаций, в особенности крупных вооруженных конфликтов, включая две мировые войны, начинавшиеся посред-

¹ Пилотажное исследование, проведенное среди студентов Воронежского государственного университета, показало, что 88% опрошенных оценивают провокацию как сугубо отрицательное, а 12% — как неопределенное явление. Положительных оценок этого явления не отмечено.

ством тщательно продуманных и умело реализованных провокаций. В любом случае как с сугубо научной, так и с практически-политической точки зрения представляется полезным осуществить историко-политологический экскурс в эволюцию трактовок этого понятия и определить его сегодняшнее место в повседневных буднях политики.

Рассматривая провокацию как один из методов политической борьбы, преследующий цель нанести максимальный урон политическому оппоненту, мы можем исходить из различных масштабов и содержания этого урона.

Во-первых, провокация может преследовать цель дискредитации политического оппонента, обвинения его в неблагоприятных поступках, недостойном (и даже аморальном) поведении, обмане избирателей и т.д. С этой целью компромат выкладывается в сети Интернет, или избиратели информируются каким-то иным способом (например, при помощи листовок, газет и т.п.). В данном случае наносится ущерб репутации оппонента как разновидности его политического (символического) капитала, что ведет к его ослаблению, обезоруживанию и, вполне возможно, выталкиванию за рамки политического поля.

Во-вторых, провокация может быть нацелена на организацию масштабных антиконституционных действий в государстве, мотивированных якобы возникшей угрозой существующей стабильности и порядку. Классическим примером таких действий является поджог немецкими нацистами рейхстага в 1933 г. и организованный ими показательный процесс над коммунистом Г. Димитровым, обвиненным в этом преступлении. Целью провокации был разгром сильного политического оппонента в лице Коммунистической партии Германии, удар по левому политическому спектру в целом и разрушение политической системы Веймарской республики, что впоследствии и произошло.

В-третьих, провокация может ставить целью компрометацию власти, заподозренной в причастности к убийству политического оппонента. На политическом языке это нередко называется «сакральной жертвой», т.е. жертвой, якобы принесенной оппозицией на алтарь морального унижения противника, прибегнувшего, по ее замыслу, к подобным преступным действиям. Пример – убийство известного политика Б. Немцова (февраль 2015 г.), первой версией которого, озвученной президентом РФ В. Путиным и официальными российскими структурами в целом, была именно версия «сакральной жертвы», удобной оппозиции для обвинения Кремля.

В-четвертых, провокация может быть нацелена на получение масштабных преимуществ (политических, дипломатических, силовых, моральных, информационных и т.д.) в ходе инициируемого стороной вооруженного конфликта. Поскольку международное право жестко квалифицирует любые действия, связанные с нарушением территориальной целостности и независимости другой страны, как акт агрессии и гарантирует ее жертве международную поддержку и помощь, а также санкции в отношении страны – нарушителя международных норм, то агрессор ищет и создает то или иное основание для своих действий, пытаясь представить их в качестве необходимых и оправданных, а также ответных мер на те или иные провокации, т.е. нарушение неких правил или договоренностей. Так, тщательно организованная провокация позволила Адольфу Гитлеру представить некое обоснование своей «правоты» и развязать Вторую мировую войну, целью которой было покорение всего мира. Речь идет о нападении немецких солдат, переодетых в польскую форму, на радиостанцию в пограничном с Польшей городке Гливице и обвинение Польши в агрессии против Германии. Целью инсценировки было показать, что нападение Германии на Польшу являлось лишь ответом Германии на акты насилия в отношении немецких жителей, совершенные польской стороной. Летом 1939 г. немцы организо-

вали вдоль всей польско-немецкой границы множество различных провокаций, целью которых было убедить правительства Франции и Великобритании не выполнять договоры, гарантирующие Польше военную помощь. Их логика была проста: если поляки «напали» на немцев, то Франция и Великобритания не должны были выступать на стороне «польского агрессора». О происшествии в Гливице написали тогда все крупнейшие мировые газеты, сообщило радио и телеграфные агентства. Правда о гливицкой провокации была установлена только на Нюрнбергском процессе в 1945 г.

В-пятых, провокация может выступать как форма имитации. На такую функцию провокации указывает известный российский социолог Ж.Т. Тощенко. В своей книге «Фантомы российского общества» он отмечает, что «одной из характерных и специфических особенностей современной общественной жизни в мире, в том числе и в России, стали процессы, которые отражают подмену деятельности во всех ее проявлениях – имитацией как на всех уровнях организации общественной жизни – на федеральном, региональном и местном, так и во многих организациях и даже в личностном исполнении» [Тощенко 2015: 314–315]. Автор также делает существенное замечание: «Исходной базой имитации является отсутствие четко очерченной стратегической цели в развитии общества и его сфер, социальных институтов, организаций и процессов» [Тощенко 2015: 315]. Характеризуя условия и факторы, порождающие имитацию, он указывает, что среди них можно назвать желание политических и экономических сил сохранить власть, удержать ее во что бы то ни стало, обеспечить свое влияние на общественную жизнь. К числу форм и методов имитации отнесены демагогия, провокации, фальсификация, профанация, манипулирование, иллюзия, перформанс. Ученый уделяет особое внимание социальным последствиям имитации, призывая российских социологов внести коррективы в социологическую трактовку сущности и содержания общественного сознания и поведения [Тощенко 2015: 337–341].

В-шестых, провокацию можно рассматривать как процесс, как способ продвижения к цели. В таком качестве она не может быть сведена просто к политической технологии, тем более в кризисных условиях, поскольку рассматривается как способ выхода из кризиса и достижения каких-либо осязаемых результатов. Отсюда различные уровни провокации: технологический, коммуникативный, демонстрационный, символический и т.д.

Наконец, в-седьмых, провокация может рассматриваться как способ стимулирования повестки дня нужными для ее субъекта темами и сюжетами («затрагиваются провокационные темы»). В данном случае роль провокации в политическом дискурсе выглядит, на наш взгляд, наиболее безобидной и положительной, поскольку «вбрасывание» неудобных тем для дискуссии позволяет привлечь внимание к действительно волнующим общество проблемам, не дает вытеснить их из актуальной повестки дня и позволяет сохранить контроль над последней.

В последнее время в связи с развитием Интернета и появления в нем многочисленных дискуссионных площадок набор разновидностей провокации пополнился еще одной новой формой – троллингом. Несмотря на сравнительно молодой возраст этого понятия, оно уже прочно закрепилось в обиходе и стало неотъемлемым элементом современной интернет-субкультуры. Как и классические образцы провокации, троллинг используется и властью, и оппозицией в качестве инструмента контроля над интернет-пространством и господствующими там взглядами и позициями. В частности, существует целая «фабрика троллей», работающих на коммерческой основе и поставляющих на страницы сети официозные по сути, но самостоятельные по форме комментарии тех или иных знаковых (резонансных) событий. Цель таких сообщений заключается в том, чтобы

возможно более удачно высмеять своих оппонентов, представив их и отстаиваемую ими точку зрения в качестве глупой, абсурдной и заведомо ошибочной. О срежессированности таких атак в интернет-пространстве говорит хотя бы тот факт, что часто эти комментарии выглядят очень похожими, написанными «под копирку» или по одной общей методичке, что и выдает их ангажированный характер и прямое участие в провластной пропаганде.

Однако троллинг является современным оружием в руках не только власти и ее пропагандистской службы. Этим современным оружием умело пользуется и оппозиция, периодически пытающаяся «троллить» властные структуры в целях привлечения внимания общественности к тем или иным проблемам или внесению смуты в ряды чиновников, вынужденных перепроверять, опровергать или замалчивать поступившую в сеть информацию. Таким провокационным стало заявление известного оппозиционного деятеля М. Ходорковского, отметившего в одном из интервью, что некие высокие чиновники делятся с ним информацией, потому что они «хеджируют риски». Вне зависимости от того, соответствует ли это заявление реальности, оно оказалось достаточно резонансным, поскольку его стали обсуждать на всевозможных форумах на полном серьезе, что только подтверждает тот факт, что троллинг удался.

Другой пример может закончиться печальными последствиями для инициатора троллинга, каковым выступает молодая гражданская активистка из Краснодара Дарья Полюдова, затеявшая в августе 2014 г. с группой краснодарцев акцию под названием «Марш за федерализацию Кубани». В ту пору по российским телеканалам гуляло слово «федерализация», которым оправдывали создание Донецкой и Луганской республик на востоке Украины. Отвечая на вопрос, чего она хотела добиться, Дарья отвечает: «Потроллить чиновников!» Однако этот троллинг обернулся длительным содержанием в СИЗО ФСБ и предъявлением обвинений в публичных призывах к экстремистской деятельности, нарушению территориальной целостности РФ с использованием Интернета. Д. Полюдовой грозит до 5 лет тюремного заключения.

Между тем различные формы троллинга в последнее время становятся все более привычными не только в российской, но и в международной политике, в особенности в сложных политических или экономических ситуациях. Преследуя важную и значимую для себя цель, политики ищут всевозможные способы воздействия на оппонентов или кредиторов с целью склонить их к уступкам и добиться выгодных для себя соглашений. При этом в ход идут не только демагогические заявления, но и испытанные и даже выстраданные временем демократические процедуры, которые демагоги и популисты пытаются поставить на службу своим интересам. Ярким примером подобного рода действий стала новейшая «греческая трагедия», когда ответственность за многомиллиардный внешний долг страны правящая левопопулистская партия «СИРИЗА» попыталась переложить на страны – кредиторы Евросоюза, мотивировав это решение итогами общегреческого референдума, на котором большинство греков сказало «нет» политике «затягивания поясов». Однако альтернативой реформам, на которых настаивали кредиторы, мог быть только дефолт. Процедуру общенационального референдума как современной формы политического троллинга вместе с заранее известным результатом премьер-министр страны Алексис Ципрас намеревался «продать» кредиторам в обмен на послабления и уступки с их стороны. История, однако, закончилась вынужденным принятием условий кредиторов, расколом правящей коалиции, отставкой правительства А. Ципраса и объявлением досрочных парламентских выборов (сентябрь 2015 г.). Вторично победив на выборах, «СИРИЗА» подтвердила готовность выполнять предложенный кредиторами план действий.

Таким образом, феномен провокации как инструмента политики вряд ли можно считать чем-то новым и неизвестным в арсенале политических средств. Как показывает исторический опыт, объем и формы провокации не оставались неизменными, а эволюционировали вместе с процессами институционализации политики, увеличением числа ее субъектов, ростом неконгруэнтных методов ее осуществления, усилением морального начала и т.д. В странах с прочными правовыми режимами политикам приходится быть весьма изобретательными, чтобы достигать своих целей – ослабления оппонентов, компрометации и троллинга противников/конкурентов, не выходя за общепринятые моральные и правовые рамки. В иных институциональных контекстах, прежде всего в рамках авторитарных структур, провокация по-прежнему может наполняться самыми разнообразными, в т.ч. и противоправными, компонентами в соответствии с древним принципом: «Цель оправдывает средства». Однако этот принцип в современных условиях встречает все меньшую поддержку и принят на вооружение лишь откровенно одиозными режимами, мало озабоченными внешнеполитическим имиджем своих стран. Вместе с тем даже в этих случаях известные ограничения морально-правового характера все-таки имеют место: статус изгоя на мировой арене давно уже не является привлекательным.

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-03-00059 на тему «Провокация как социальное явление».

Список литературы

Тощенко Ж.Т. 2015. *Фантомы российского общества*. М.: ЦСПиМ. 668 с.

GLUKHOVA Aleksandra Viktorovna, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor, Head of the Chair of Sociology and Political Science, Voronezh State University (1 Universitetskaya Sq, Voronezh, Russia, 394006; soc@hist.vsu.ru)

THE ROLE OF PROVOCATION IN POLICY

Abstract. *The current material was collected during the research supported by the grant of RFH «Provocation as a Social Phenomenon». The author shows a specific role of provocations in policy, which differ from provocation in art or scientific area. Provocation is a method of political struggle aimed to cause the maximum damage for the political opponent. Provocations differ by character of purposes, by extent of the damage, forms and methods of implementation, etc. Trolling as an integral element of modern Internet subculture is an example of the modern form of provocation.*

Keywords: *war, conflict, politics, provocation, trolling*